

В. Желиховская

Любовь правдой крепка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
В11

В11 **В. Желиховская**
Любовь правдой крепка / В. Желиховская – М.: Книга по Требованию, 2014. –
247 с.

ISBN 978-5-458-14767-5

Любовь правдой крепка

ISBN 978-5-458-14767-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

покраснѣла и крѣпко нахмурила брови, когда читала письмо, а окончивъ чтеніе, она скомкала письмо въ рукѣ и на минуту задумалась, пристально глядя въ даль, гдѣ синѣло озеро.



Описанная сцена происходила въ Каджорахъ, неподалеку отъ Тифлиса, куда семья барона Крюгера переѣхала на лѣто. Самъ баронъ не могъ оставлять надолго городъ и пріѣзжалъ къ женѣ и дочери только по праздникамъ.

Эмилиа Карловна, казалось, что-то соображала.

— Ты можешь сойти въ садъ, Тари, — сказала она, наконецъ, обратясь къ дѣвочкѣ, окончившей чтеніе. — Надѣнь шляпу и приготовь букетъ для папа... Не забудь, что сегодня суббота: надо идти его встрѣчать... Вы пообѣдаете однѣ, меня не будетъ дома... Что ты такъ смотришь, Тари? Да! Письмо... Оно не къ тебѣ... Это... ошибка... Поди-же въ садикъ, нарви цвѣтовъ для папа... Вы можете остаться, миссъ Этель.

Дѣвочка колебалась. При послѣднихъ словахъ матери, она, было, сошла нѣсколько ступенекъ съ балкона, но вдругъ остановилась и, вскинувъ вверхъ головку такъ, что черные локоны ея свѣсились по поясъ, устремила на мать молящій взоръ и спросила:

— Мама, отъ кого оно?..

Баронесса нахмурила брови и отвѣчала:

— Но я сказала тебѣ, Тари, что это ошибка:

письмо не къ тебѣ!..

Она вдругъ остановилась на полусловѣ и закусила губу.

Сконфузаясь и разсердясь въ одно и то-же время, она сунула письмо въ карманъ и раздражительно прибавила:

— Я приказала тебѣ идти въ садъ!.. Иди-же!

Дѣвочка ушла непрекословно. Эмилія Карловна сѣла на стулъ и, опустивъ голову на руку, крепко прижала пальцами глаза, словно стараясь изгладить изъ нихъ какое то представленіе, какую-то картину, невольно мелькавшую предъ ея взоромъ. Гувернантка собирала книги, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ. Она готовилась уже оставить балконъ, когда баронесса опомнилась отъ тяжкаго раздумья.

— Миссъ Этель!

Англичанка почтительно остановилась.

— Вы прекрасно сдѣлали, что не позволили Тamarѣ прочесть это письмо. Прошу васъ и впредь не допускать до нея никакихъ писемъ. Понимаете?.. Я настоятельно прошу васъ объ этомъ.

— Понимаю. О, вы можете быть спокойны!..

— Ни писемъ, ни разговоровъ съ неизвѣстными вамъ людьми, какъ я уже просила васъ, но, въ особенности, никогда никакихъ разговоровъ съ прислугою...

— О, помилуйте! — съ непритворнымъ ужасомъ вскричала гувернантка. Это я знаю хорошо!

— Ну, да... Я надѣюсь, что вы не забудете моей просьбы и никогда не допустите ничего подобнаго. Теперь вы можете идти...

Миссъ Этель Симпсонъ удалилась.

Оставшись одна, баронесса снова вынула измятое письмо изъ своего кармана, разложила его на столѣ передъ собою и принялась внимательно перечитывать.

«Ну, что тутъ дѣлать съ этимъ мальчишкой?!»

отчаянно, чуть не вслух подумала она, разведя руками, и снова глубоко задумалась.

«Это надо теперь-же, сразу остановить!.. Необходимо рѣшительно навсегда прекратить для него всякую возможность... Напишу сейчас-же, но не ему, лучше этой женщинѣ... Какъ это неприятно!» — Таковъ былъ результатъ ея мыслей.

Не откладывая дольше, баронесса прошла въ свою комнату, присѣла къ письменному столу и написала письмо — не особенно длинное, но надъ которымъ она все-таки долго потрудилась. Запечатавъ его, она позвонила. Вошла горничная.

— Раиса, прикажи тотчасъ-же снести это письмо на почту. Еще не поздно. Надо, чтобы оно сегодня-же пошло...

— Слушаю-сь. Тамъ генераль васъ ожидаютъ.

— Какъ?.. Василій Ѳеодоровичъ? — удивилась баронесса.

— Нѣтъ-сь, не баронъ; генераль Юрій Борисовичъ...

— Ахъ, Юрій Борисовичъ?.. Хорошо, сейчасъ выйду.

Черезъ пять минутъ Эмилія Карловна входила снова на балконъ, гдѣ чуть-что не лежалъ въ качающемся креслѣ пожилой господинъ въ военномъ сюртукѣ на распахку, съ длинными баками и волосами до того бѣлокурыми, что просѣдь въ нихъ почти не была замѣтна. Некрасивое лицо генерала многимъ нравилось потому, что открытое выраженіе его, дышавшее умомъ и часто тонкой, добродушной насмѣшкой, бросалось въ глаза прежде его неправильности. Въ эту минуту высокій лобъ его былъ притворно нахмуренъ, а губы между тѣмъ весело улыбались. Онъ не спускалъ своихъ проницательныхъ сѣрыхъ глазъ съ дочери хозяйки дома, стоявшей передъ нимъ съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ и съ явнымъ смущеніемъ на личикѣ. Она только-что кончила декламировать ему «Мартышку и очки» и

собиралась уже, сдѣлавъ реверансъ, направиться къ дверямъ гостиной, гдѣ ожидала ее миссъ Этель, какъ громкій возгласъ генерала остановилъ ее.

— Э, нѣтъ, барышня! — весело вскричалъ онъ, взявъ ее за руку, — такъ легко отъ меня не отдѣляетесь!.. «Демьянову уху» знаете?

— Нѣтъ, не знаю еще...

— А кто обѣщалъ мнѣ ее на прошлой недѣлѣ выучить?

— Я выучу, только теперь некогда было... Миссъ Этель задала много уроковъ и стиховъ, М-ме Балъи тоже...

“De ta tige detachee
Pauvre feuille dessechee
Ou vas tu? Je n'en sais rien!..”

... Это что-ли М-ме Балъи задала?

— И эти, и другіе... Я и англійскіе выучила.

— Англійскіе? Ну-ка, ну-ка, барышня, скажите! Какимъ это альбѣонскимъ стихамъ научила васъ ваша миссъ Пимперсонъ...

— Миссъ Симпсонъ, — краснѣя, поправила Тамара.

— Это все равно! Симпсонъ, Пимперсонъ — коварная альбѣонка... Вы понимаете, что значить альбѣонка, Тари?

— Нѣтъ...

— Нѣтъ?.. Ну, впрочемъ, все равно: миссъ Миксонъ человѣкъ хорошій...

— Симпсонъ!.. — опять сконфуженно прервала дѣвочка.

— Все едино, барышня! Начинайте!

— Я вамъ скажу про муху и... павлина...

— Скажите.

Тамара отступила на одинъ шагъ отъ кресла, въ которомъ качался генералъ Ланицкій, поигрывая бредулами. Другой рукой онъ откинулъ назадъ волосы со лба, надѣвъ рипсе-пез и устремивъ на дѣвочку ласковый,

но тѣмъ не менѣ сильно смущавшій ее взглядъ.

Тамара стала въ позу и начала дрожащимъ голосомъ:

„*The spider and the fly*“.

„Will you come onto my parlour?“

Said the spider to the fly...”

— Позвольте барышня!.. О комъ речь-то идетъ?
— неожиданно прервалъ ее Ланицкій.

— О мухе и.. и...

Тамара сконфузилась и замолчала. Яркій румянецъ загорѣлся на ея щечкахъ и постепенно разлился не только по лицу, но даже по шеѣ и открытымъ плечикамъ.

— Какъ называются эти стихи?

— The spider and the fly.

— А по-французски?

— L'araignee et la mouche, — не обинуясь, перевела Тамара.

— Хорошо-съ. А по-нѣмецки?

— Die Spinne und die Fliege.

— А по-русски? — неумолимо настаивалъ генералъ, широко улыбаясь.

Тамара молчала, чуть не плача. Въ эту минуту Эмилія Карловна появилась въ дверяхъ балкона и остановилась въ недоумѣніи. Юрій Борисовичъ взялъ, посмѣиваясь, руку Тамары и, ласково поглаживая ее другой рукой, проговорилъ:

— «Муха и Паукъ», милая моя барышня, называются стихи ваши, а не «Муха и Павлинь!». Павлинь — реасокъ по англійски, — раон по французски; а вы, бѣдняжка моя, три иностранныхъ языка гораздо лучше родного русскаго знаете! Это, конечно, не ваша вина, нечего печалиться, звѣрекъ мой милый! — поспѣшилъ онъ прибавить, видя, какое впечатлѣніе производили слова его на ребенка. — Вы — барышня разумная, и это дѣло поправится, я знаю. Вотъ, мы мамашу попросимъ зимою учителей хорошихъ взять, да

практики намъ доставить побольше...

— Здравствуйте, Юрій Борисовичъ! — подошла тутъ баронесса, подавая руку Ланицкому. — Тари, душенька, тебя ждетъ миссъ Этель; иди къ ней.

— Идите, идите, звѣречекъ мой славный, — согласился генераль, не выпуская ея руки. — А русскія басни не забывайте; учите ихъ на память, это очень полезно; если некогда въ будни, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ихъ читайте. Я, вотъ, вамъ хорошій экземплярчикъ дѣдушки Крылова принесу, а вы мнѣ за это «Демьянову уху» на память выучите. Хорошо?

— Хорошо, — едва слышно прошептала Тамара.

— Пустите ее, Юрій Борисовичъ: ее ждуть...

— Ну, что вамъ за охота ребенка сбивать съ толку? — съ неудовольствіемъ обратилась Эмилія Карловна къ генералу, какъ только осталась съ нимъ одна. — Сколько разъ я просила не пускаться съ нею въ такіе разговоры...

— Не пускаться въ такіе разговоры? — съ разстановкой повторилъ гость ея, нимало не смущаясь. — То есть оставлять ее въ невѣдѣніи на счетъ существенной разницы между словами паукъ и павлинь? Это что-ли, по вашему, значить, съ толку сбивать?

— Совсѣмъ нѣтъ, и вы очень хорошо понимаете, что я хочу сказать... Давать ей мысль, что ее учатъ не такъ какъ надо, — это значить подрывать авторитетъ старшихъ, и я не думаю, чтобы вы сами считали это полезнымъ.

— Я, милая баронесса, авторитетовъ не подрываю, а ни въ чемъ не могу равнодушно видѣть кривизны и искаженія. Если у меня картина криво виситъ, я ее поправлю; если цвѣтокъ гнется, я его къ палочкѣ привяжу; если умнаго ребенка, Богомъ щедро одареннаго, портятъ воспитаніемъ, я стараюсь, насколько могу, и этому горю помочь.

— Покорно васъ благодарю за вашу помощь, — холодно возразила баронесса, — но я нахожу ее... не...

— Неумѣстной?.. Договаривайте! — хладнокровно помогъ ей Ланицкій! — Я совершенно согласенъ съ вами; но кто-же виноватъ въ этомъ? Вы, кажется, знаете, что я въ началѣ много разъ обращался къ вамъ, прося обратить вниманіе на такой пробѣлъ въ воспитаніи вашей дочери. Положимъ, это очень мило, что она болтаетъ, какъ попугай, на иностранныхъ языкахъ; но нельзя-же забывать и родной нашъ языкъ. А такъ какъ вы считаете излишнимъ учить ее по-русски, и къ тому-же она никогда и не слышитъ русской рѣчи, то я, чтобы не дать ей окончательно отвыкнуть отъ російской грамоты, и рѣшилъ пробудить въ ней охоту къ баснямъ и стихамъ...

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста!.. Это смѣшно!.. Что за преувеличенія?.. Возможно-ли думать, чтобы русская дѣвочка не знала русскаго языка, живя въ Россіи! Придетъ время, возьму ей учителей. Но прежде надо, чтобы она привыкла къ иностраннымъ языкамъ, которымъ нельзя хорошо выучиться иначе, какъ начавъ съ дѣтства.

— Эти разсужденія я уже много разъ слышалъ, Эмилія Карловна, — возразилъ Юрій Борисовичъ, — и вамъ очень хорошо извѣстно мое мнѣніе о нихъ... Извините меня, пожалуйста, если мое вмѣшательство вамъ непріятно, но я никакъ не могу поступать иначе; я всегда и со всѣми человѣкъ прямой и нецеремонный...

«Черезчуръ даже нецеремонный!» — подумала баронесса съ явнымъ неудовольствіемъ.

— Касательно-же Тамары, я считаю себя немножко въ правѣ... Это дѣло совѣсти, вы знаете...

— Знаю, Боже мой! — съ досадой прервала его хозяйка дома. — Что это всѣ словно сговорились сегодня!..

— Въ чемъ сговорились?..

Баронесса оглянулась кругомъ, заперла дверь въ

гостиную, вернулась къ креслу Ланицкаго, вынула изъ кармана и протянула ему письмо.

— Прочтите и посовѣтуйте, что мнѣ тутъ дѣлать?
— сказала она и сѣла поодаль.

Ланицкій читалъ серьезно и медленно. Когда онъ кончилъ, то, въ свой чередъ, и онъ задумался, молча опустивъ руку съ письмомъ на колѣна и глядя въ даль.

— Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ? — спросила наконецъ Эмилія Карловна. Генераль отвѣчалъ не сразу.

— Объ этомъ мнѣ судить трудно, — заговорилъ онъ наконецъ очень нерѣшительно, продолжая смотрѣть въ пространство, — потому-что я никогда не поставилъ бы себя въ такое фальшивое положеніе. Вы знаете, что я расходился во мнѣніи съ вами съ самаго начала, и всегда предупреждалъ васъ, что такое положеніе дѣлать невозможно и когда-нибудь навлечетъ на васъ большія непріятности. Мое предсказаніе начинаетъ сбываться раньше, нежели мы думали.

Онъ замолчалъ, нахмурилъ брови и усиленно вертя между пальцами брегетовскій ключъ своихъ часовъ.

— Мое мнѣніе такое, — черезъ минуту продолжалъ онъ, — что лучше теперь, чѣмъ позже. По моему, надо сказать ей правду...

— Ни за что! — горячо воскликнула Эмилія Карловна.

— Что же, лучше, по вашему, чтобъ она узнала это отъ постороннихъ, не приготовленная?..

— Не дай Богъ!

— Не дай Богъ, конечно; на такого впечатлительнаго ребенка это можетъ подѣйствовать гибельно.

— Ну, да! А вы предлагаете ей сказать мнѣ самой...

— А-а, это совсѣмъ другое дѣло!.. Конечно, было бы всего лучше и проще, чтобы она знала объ этомъ съ

самого начала; но прошлаго не вернешь. Остается исправить, какъ можно скорѣе, эту ошибку, чтобъ она не имела въ будущемъ еще худшихъ послѣдствій.

— Не могу я этого сдѣлать! Понимаете, не могу! Это значило бы отказаться отъ нея, оттолкнуть ее отъ себя, дать ей право думать, что я лицемерила, обманывала, что я самозванка, наконецъ, и никакихъ правъ на нее не имѣю!.. — возражала баронесса и даже заплакала, не совладавъ съ собою.

— Я не могу съ вами въ этомъ согласиться; вы преувеличиваете и совсѣмъ не такъ понимаете вещи, — началъ, было, Ланицкій, но, увидавъ слезы своей собесѣдницы, замолчалъ.

— Она не видѣла этого письма? — спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Конечно, нѣтъ!

— Но, вѣдь, будутъ другія?

— Нѣтъ, другихъ не будетъ: я приняла мѣры...

— Какія мѣры?

— Я написала этой, какъ ее?.. Ефремовой, чтобъ она не позволяла ему больше никогда писать, если она сколько нибудь дорожить счастьемъ Тамары. Ей, кажется, извѣстны мои условія! Я сдѣлала все, отъ меня зависѣвшее; я даже уговорила Василия Ѳеодоровича уѣхать изъ Кахетіи, чтобы окончательно прервать всѣ сношенія... Я и думать забыла объ этомъ мальчишкѣ, когда вдругъ, черезъ пять лѣтъ, ему вздумалось писать. Кто просилъ?.. Не обидно ли это...

— Удивляюсь я вамъ, дорогая моя Эмилія Карловна! — снисходительно улыбаясь, прервалъ ея горячія рѣчи генераль. — Человѣкъ вы не злой, умный, вообще справедливый, а говорите такія, — извините меня, — несообразныя вещи...

— Не къ чему извиняться: я привыкла къ вашему тону...

— Да, ужъ не взыщите, тонъ, каковъ ни есть, все же правдивый, а мѣнять его мнѣ теперь трудно: въ

пятьдесят лѣтъ новыя привычки, какъ бы онѣ ни были хороши, не прививаются...

— Да мнѣ нѣтъ и дѣла никакого до вашихъ привычекъ, а собственно раздражаетъ меня ваша настойчивость, когда я много разъ говорила вамъ, что не способна на такія уступки. Я никогда не рѣшилась бы взять на себя тяжелой обузы материнскихъ обязанностей безъ материнскихъ правъ.

— Но вы ошибаетесь, милая баронесса; это не могло бы васъ лишить правъ матери. Напротивъ...

— Ахъ, ради Бога, оставимъ это! — сердито прервала она. — Мы никогда не сойдемся во взглядахъ, и это только поводъ къ совершенно излишнимъ спорамъ... Который часъ?..

— Скоро три, — неохотно вымолвилъ, взглянувъ на часы, генераль.

— Пора къ Ласовскимъ... Что, сегодня жарко?.. Мнѣ хотѣлось бы пройтись: авось, успокоюсь на ходу. Я такъ сегодня разстроена, что охотно отказалась бы отъ этого обѣда, если-бъ это было возможно. Или, быть можетъ, приказать запречь? Вы не хотите идти пѣшкомъ?..

— Я къ вашимъ услугамъ. Василій Ѳеодоровичъ будетъ?

— Не думаю; не успѣетъ. Да и не любить онъ этихъ parties de plaisir... Мы, вѣроятно, застанемъ его здѣсь вечеромъ.

Черезъ пять минутъ они, оба не въ духѣ, медленно поднимались въ гору, по тѣнистой дорогѣ между дачъ и садовъ. Во время пути они или молчали, или бесѣдовали о красотахъ окружавшей ихъ природы, не желая возобновлять непріятной темы, чрезвычайно раздражавшей баронессу.

Но разговоръ съ Ланицкимъ не окончились непріятности этого памятнаго для Эмилиі Карловны дня. Вернувшись домой часовъ въ десять, она застала мужа одного на балконѣ. Тамара ушла спать, проболтавъ